

Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 6–17.
Civilizational changes in Russia. 2022. P. 6–17.

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Научная статья
ГРНТИ 02.11.21
УДК 140.8 + 141.32 + 159.9.019

Философские основания современных экзистенциальных практик

Сергей Валентинович Борисов¹

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,
Челябинск, Россия

¹ borisovsv69@mail.ru

Аннотация. В статье представлена модель классификации современных экзистенциальных практик с позиции их философских (эпистемологических) оснований. Данная модель позволяет содержательно концептуализировать экзистенциальные практики с позиции их интегративного и созерцательного контекста на более директивные, патологизирующие, интерпретативные, технологичные, с одной стороны, и более феноменологические, описательные, реляционные – с другой. Интегративный контекст предполагает широту решения экзистенциальных проблем, созерцательный контекст предполагает глубину экзистенциальной терапии, допускающую различную степень погружения субъекта, его чувственный настрой и аутентичность присутствия. Общим философским основанием всех экзистенциальных практик можно считать поиск подлинности (аутентичности), освобождение от рефлексивных, компульсивных и объективизирующих суждений о себе и других.

Ключевые слова: экзистенциализм, феноменология, экзистенциальная психотерапия, эпистемология

Для цитирования: Борисов С. В. Философские основания современных экзистенциальных практик // Цивилизационные перемены в России. 2022. С. 6–17.

SPIRITUAL AND MORAL PROBLEMS OF RUSSIAN SOCIETY

Original article

The philosophical basis of modern existential practices

Sergey Valentinovich Borisov¹

¹ South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia

¹ borisovsv69@mail.ru

Abstract. The article presents a model for the classification of modern existential practices from the standpoint of their philosophical (epistemological) foundations. This model allows meaningfully conceptualizing existential practices from the standpoint of their

integrative and contemplative context into more directive, pathologizing, interpretive, technological, on the one hand, and more phenomenological, descriptive, relational, on the other. An integrative context presupposes a breadth of solutions to existential problems, a contemplative context presupposes a depth of existential therapy, allowing for varying degrees of immersion of the subject, his sensual attitude and authenticity of presence. The common philosophical foundation of all existential practices can be considered the search for authenticity, liberation from reflective, compulsive and objectifying judgments about oneself and others.

Keywords: existentialism, phenomenology, existential psychotherapy, epistemology

For citation: Borisov S. V. Philosophical foundations of modern existential practices // Civilizational changes in Russia. 2022. P. 6–17.

Введение. Специфика экзистенциальных практик в отличие от других подходов в психотерапии заключается в том, что она базируется на солидном философском основании.

Хотя экзистенциальные практики трудно формализовать и их классификация – это сама по себе исследовательская проблема, в основе этих практик лежат философские принципы, обладающие мощным терапевтическим воздействием. Экзистенциальные практики направлены на то, чтобы «высветить» способ, которым каждый человек, ограниченный неизбежными пределами фактичности, делает выбор, создает и упрочивает свой собственный образ жизни. В конечном счете, можно сказать, что экзистенциальные практики работают с самыми фундаментальными, вечными вопросами человеческого бытия. Экзистенциальные практики принято делить на определенные «школы» или направления: даэзин-анализ, экзистенциально-феноменологическая школа, экзистенциально-гуманистическая школа, логотерапия, экзистенциальный анализ. Однако данное деление не позволяет в полной мере увидеть и проанализировать философское основание современных подходов, которые отличаются значительным многообразием по сравнению с этими «школами», сформировавшимися в середине или во второй половине XX века. Чтобы осмыслить это многообразие, необходимо обратить внимание на эпистемологические аспекты экзистенциальных практик, что позволит увидеть сущностные стороны их преемственности и развития на современном этапе.

Материалы и методы. Можно выделить следующие аспекты или измерения экзистенциальных практик как основы для классификации современных подходов, которые мы приводим со ссылкой на исследования М. Купера [1]:

1) *объяснение vs описание.* Дает ли экзистенциальный терапевт клиенту объяснение «распакованного» им опыта или они вместе пытаются определить его основное содержание / смысл?

2) *ведущий vs ведомый.* Является ли консультант ведущим терапевтического процесса, или он позволяет клиенту взять на себя роль лидера?

3) *патологизация vs депатологизация*. Понимает ли экзистенциальный терапевт трудности клиента с точки зрения дезадаптации и дисфункциональности или он исходит из осмысленности и целесообразности самосознания и поведения клиента?

4) *форсирование vs постепенность*. Стимулирует ли экзистенциальный терапевт клиента исследовать отношения в ситуации «здесь и сейчас» или дает отсрочку?

5) *знание vs незнание*. Руководствуются ли экзистенциальные практики определенными предположениями и убеждениями (интерпретациями) или они исходят из позиции феноменологической открытости, «ученого незнания»?

6) *психология vs философия*. Сосредоточен ли экзистенциальный терапевт на эмоциональном, когнитивном и поведенческом процессе или он обсуждает с клиентом более широкие вопросы жизненных смыслов? Делается ли акцент на «исцеление» или на обретение «мудрости»?

7) *технологичность vs отсутствие техник*. Иницирует ли экзистенциальный терапевт относительно неструктурированный, неформальный диалог или использует в своей работе конкретные терапевтические методы?

8) *индивидуализация vs универсализация*. Понимает ли экзистенциальный терапевт трудности клиента с позиции функционирования конкретных психологических процессов или с точки зрения универсальных экзистенциальных проблем, характерных для всех людей?

9) *субъективность vs интерсубъективность*. Сосредоточенность экзистенциального терапевта на психологических процессах «внутри» психики клиента или на его отношениях с миром.

Результаты. Варьируя эти измерения, можно концептуализировать экзистенциальные подходы, расположив их по направлению этих осей: с одной стороны, более директивные, патологизирующие, интерпретативные, технологичные; с другой стороны, более феноменологические, описательные, реляционные. Если более жесткий экзистенциальный подход заставляет клиентов сталкиваться с конкретными экзистенциальными данностями, то мягкий подход помогает им понять свое собственное специфическое восприятие мира. Данные оси способны показать более широкое экзистенциально-феноменологическое поле современных подходов экзистенциальных практик.

Обсуждение. *Объяснение vs описание*. Экзистенциальная терапия направлена на то, чтобы «высветить» способ, которым каждый уникальный человек, ограниченный неизбежными пределами фактичности, делает выбор, создает и упрочивает свой собственный образ жизни. Как в своей теоретической ориентации, так и в практических подходах экзистенциальная терапия проявляет подчеркнуто бережное отношение к постоянно модифицирующейся, разворачивающейся и парадоксальной природе

человеческого опыта, проявляет неиссякаемый интерес к тому, что на самом деле означает быть человеком.

Рассмотрим с позиции этого измерения дазайн-анализ – первый системный подход экзистенциальной психотерапии, который был разработан двумя швейцарскими психиатрами Л. Бинсвангером и М. Боссом. Они объединили психоаналитическую практику З. Фрейда с фундаментальной онтологией М. Хайдеггера. В то время как основное стремление Бинсвангера заключалось в разработке феноменологического подхода к психиатрической науке и психопатологии, цель Босса состояла в том, чтобы упрочить философскую основу психотерапевтической мысли и практики. Хотя Бинсвангер считал, что подход Фрейда к терапевтической практике не имеет аналогов, он все же сосредоточился на замене преобладающего естественнонаучного взгляда на человека (*homo nature*) гуманитарным научным пониманием человека как исторически существующего целого (*homo existentialis*). В отличие от этого, Босс, как сторонник традиционного психоанализа, попытался применять феноменологический подход к психоаналитической практике Фрейда.

Ведущий vs ведомый. Экзистенциальные терапевты рассматривают свою практику как взаимный, осмысленный, исследовательский диалог между двумя бытийствующими субъектами. Экзистенциальная терапия делает особый акцент на культивировании заботливых, открытых, эмпатических и в то же время правдивых отношениях между терапевтом и клиентом, преодолевая обыденное, поверхностное представление о предписываемых социальных ролях «врача» и «пациента». На практике экзистенциальная терапия исследует, как клиенты «здесь и сейчас» чувствуют, думают и динамически взаимодействуют в рамках отношений, устанавливаемых в процессе терапии, что может пролить свет на более широкие горизонты прошлого опыта, текущих событий и ожиданий будущего. Сама ситуация реальной заинтересованной встречи обладает неким терапевтическим эффектом и в сочетании с феноменологической позицией терапевта позволяет более точно понять и описать способ существования человека в мире. Со стороны терапевта прилагаются огромные усилия, чтобы избежать невольного навязывания своего собственного мировоззрения и системы ценностей клиенту.

Например, по этой причине дазайн-анализ, представленный М. Боссом, критично относится к концепту «бессознательного», полагая, что это не что иное, как излишняя объективация самой тайны Бытия и человеческого присутствия в бытии: фундаментальная онтологическая потаенность, которая присуще бытию повсюду как внутри, так и вокруг нас. Босс также оспаривал представление Фрейда о проекции, в частности, идею о том, что чувства, возникающие между терапевтом и клиентом, не реальны, а лишь ложные и вводящие в заблуждение механические копии реляционных сценариев раннего детства. Наоборот, Босс рассматривал терапевтические

отношения как полноценную реальную встречу двух людей, которая выстраивается не на проекции и контрпроекции, а на подлинном общении, для которого характерна истинная любовь человека к психотерапевту; причем это взаимная любовь, обладающая терапевтическим эффектом («терапевтический эрос») [2–3].

Патологизация vs депатологизация. Конечно, экзистенциальные терапевты могут при необходимости указать на определенные несоответствия, противоречия или непоследовательность в тех или иных укорененных (вошедших в привычку) способах существования клиента. Однако главная терапевтическая цель состоит не в этом. Главное – осветить, прояснить, открыть для клиента более широкую перспективу для взгляда на волнующие его проблемы; поддерживать способность клиента самому осознавать и активно пользоваться своей ответственностью (свободой), делать выбор самостоятельно, если клиент желает что-либо изменить; если же для такого выбора он еще не готов, терпеливо принимать и внимательно исследовать выбранные им способы существования в мире.

Рассмотрим с позиции этого измерения экзистенциально-феноменологическую терапию. Как известно, происхождение экзистенциально-феноменологической терапии во многом связано с деятельностью Р. Д. Лэйнга и его коллег. Р. Д. Лэйнг был очень популярным, хотя весьма противоречивым и несколько психически неуравновешенным шотландским психиатром, который использовал экзистенциальные и феноменологические учения как базу для критики психиатрических практик Нового времени и современности. На его идеи гораздо большее влияние оказали такие представители экзистенциальной философии, как Ж.-П. Сартр, А. Камю и М. Мерло-Понти, а не М. Хайдеггер. Объективистской, «независимой» психиатрической точке зрения Р. Д. Лэйнг противопоставлял утверждение о том, что психиатрам необходимо войти в жизненный мир своих пациентов, именно там достигается гораздо большее понимание так называемого «безумия» клиента. В своей знаменитой книге «Расколотое Я» (1965) Р. Д. Лэйнг попытался показать, как такое патологическое состояние, как шизофрения, может стать понятным, если попытаться взглянуть на него с позиции пациента. Например, он утверждает, что «параноидальный» человек в детстве мог иметь дело с информацией о мире, которая была настолько запутанной и противоречивой, что это привело его к тому, что сам факт его выживания зависел от доверия или недоверия тому, что говорят или делают окружающие [4–5].

Форсирование vs постепенность. Экзистенциальная терапия, как правило, представляет собой построенное на взаимной поддержке совместное исследование жизни или жизненного опыта пациентов (клиентов) и терапевта. Данная терапия придает первостепенное значение характеру и качеству терапевтических отношений, разворачивающихся в ситуации «здесь

и сейчас», а также исследованию отношений клиента с его жизненным миром за пределами консультационной комнаты.

С позиции данного измерения можно рассматривать Британскую школу экзистенциального анализа, которая появляется в середине 1980-х годов из «лэйнгианства», но в настоящее время становится частью более широкого экзистенциально-феноменологического направления, основателем которого можно считать Эмми ван Дорзен (Дерцен) – клинического психолога, философа и экзистенциального психотерапевта из Нидерландов [6–11]. Подход Э. ван Дорзен опирается на ряд философских идей, в том числе почерпнутых и за пределами экзистенциализма и феноменологии. Отправной точкой для Э. ван Дорзен является то, что жизнь – это «бесконечная борьба, в которой моменты легкости и счастья являются скорее исключением, чем правилом» [8], однако проблемы в жизни возникают тогда, когда люди не хотят осознавать реалии своего несовершенного, противоречивого и напряженного существования. Следовательно, цель экзистенциальной терапии, по мнению Э. ван Дорзен, состоит в том, чтобы помочь клиентам пробудиться от «самообмана», «отчуждения», чтобы в столкновении с проблемами жизни на экзистенциальном уровне раскрыть свои скрытые таланты и увидеть новые возможности.

Знание vs незнание. Можно сказать, что экзистенциальная терапия работает с самыми фундаментальными, вечными вопросами человеческого бытия: «Кто я, зачем я живу, как мне жить?», «Есть ли в моей жизни смысл и как его понять и определить?», «Свободен ли я в своих решениях или все в моей жизни предопределено?», «Что мне делать с осознанием своей смертности?» и т. п.

Например, подобно Р. Д. Лэйнгу и Э. ван Дорзен, большинство терапевтов экзистенциально-феноменологической школы используют в первую очередь описательный, феноменологически обоснованный подход к терапии, при котором трудности в жизни клиентов рассматриваются как экзистенциальные проблемы, а не психические отклонения [12]. Британская школа, однако, может считаться школой только в самом широком смысле этого слова. Как пишет Э. ван Дорзен: «У нашего движения есть своя история раскола и борьбы, отсутствие единого мнения и несогласие по поводу того, какой должна быть экзистенциальная работа, и это нормально» [7]. В частности, в отличие от «философской экзистенциально-феноменологической терапии» Э. ван Дорзен, Э. Спинелли предлагает свой исследовательский «реляционный экзистенциально-феноменологический» подход, при котором терапевтам предлагается заключать в скобки свои убеждения и предположения и работать со своими клиентами с позиции «ученого незнания» [13–16].

Психология vs философия. Как и в случае с другими терапевтическими подходами, экзистенциальная терапия в первую очередь (но не исключительно) востребована людьми, которые страдают или находятся в ситуации

жизненного кризиса. Некоторые экзистенциальные терапевты видят свою миссию в том, чтобы облегчить или смягчить эти страдания. Другие – менее ориентированы на симптомы или проблемы, они вовлекают своих клиентов в широкомасштабное «просветление экзистенции», не ставя перед собой каких-либо конкретных терапевтических целей и не ожидая результатов, направленных на смягчение болезненных симптомов. Тем не менее, несмотря на значительные теоретические и практические различия, можно сказать, что экзистенциальных терапевтов объединяет общая философская база.

С позиции этого измерения особенно характерны логотерапия и экзистенциальный анализ. Логотерапия – это направление экзистенциальной терапии, которое нацелено на то, чтобы помочь клиентам раскрыть цель и смысл их жизни (*Logos*) [17–18] и преодолеть тем самым чувство бессмысленности и отчаяния. Идейная основа этой школы была заложена венским психиатром В. Франклом примерно в 1929 году и получила «опытную проверку» во время его пребывания в нацистских концентрационных лагерях, где он обнаружил, что те заключенные, которые могли сформировать в себе хотя бы малейшее чувство смысла, обретали надежду и были более адаптивны, чем те, которые жили с ощущением бессмысленности и тщетности.

Согласно В. Франклу, основная мотивация людей (более глубокая, чем стремление к удовольствию или власти) заключается в том, чтобы найти смысл жизни [17–21]. Без этого люди будут испытывать чувство глубокого разочарования и пустоты, приводящей к депрессии, что может перерасти в серьезные экзистенциальные неврозы и суицидальные симптомы. Потеря смысла ведет к таким саморазрушительным моделям, как зависимость, навязчивые идеи или фобии, чтобы заполнить экзистенциальный вакуум. С точки зрения реальной практики, логотерапевты используют ряд методик, чтобы помочь клиентам найти смысл их существования: от сократического диалога, который служит своего рода вызовом, активизирующим поиск смысла, до более мягкого исследования того, в чем клиенты находят удовлетворение или видят свою заслугу.

Технологичность vs отсутствие техник. Экзистенциальная терапия не определяет себя преимущественно на основе какого-либо конкретного заранее определенного метода или методов. Некоторые экзистенциальные терапевты вообще отказываются от использования каких-либо «техник», обеспокоенные тем, что такие надуманные методы могут препятствовать пониманию существенных человеческих качеств, целостности и честности терапевтических отношений. Пожалуй, единственным общим для всей экзистенциальной терапии можно считать феноменологический метод. Благодаря этому психотерапевт стремится быть полностью присутствующим, вовлеченным и свободным от собственных ожиданий, пытаясь

во время каждой терапевтической встречи временно отложить в сторону все предвзятые мнения относительно терапевтического процесса.

В этом плане характерен экзистенциальный анализ, основателем которого считается А. Лэнгле. Являясь первоначально представителем школы логотерапии, А. Лэнгле, начиная с 1983 г., открывает собственные тренинги по экзистенциальному анализу, представляющие собой более глубокую феноменологически обоснованную попытку разработать полноценную психотерапию с конкретными методами лечения клинических расстройств [22–23]. Практическая цель экзистенциального анализа – помочь клиентам жить с внутренним согласием относительно того, что они делают. Это лично переживаемое согласие («Да») является сложным образованием как результат четырехкратного «Да» для всех данностей существования. Они получили название четырех «фундаментальных экзистенциальных мотиваций» – принятие данности, обращение к ценности, самоуважение и уважение другого, достижение соответствия с актуальным смыслом жизни. Если данные мотивации не работают, это может привести к определенным психопатологическим программам поведения.

В последние годы также появилось смысло-ориентированная терапия для людей с физическими заболеваниями. Как и другие формы логотерапии и экзистенциального анализа, все эти методики, как правило, являются очень гибкими и включают в себя широкий спектр терапевтических приемов. Как правило, они осуществляются в групповом, а не в индивидуальном формате. В последние годы этот смысло-центрированный подход также был распространен на другие группы клиентов, например, на медицинских работников, оказывающих паллиативную помощь [24], на лиц, переживших утрату [25], на тех, у кого диагностирована психонкология [26]. Из всех экзистенциальных подходов к терапии этот, пожалуй, можно назвать наиболее эффективным [27].

Индивидуализация vs универсализация. Главная идея экзистенциальной терапии состоит в том, чтобы позволить клиентам честно, открыто и всесторонне исследовать свой жизненный опыт. Это дает им возможность взглянуть на свою жизнь более глубоко, разобраться в ней, а также найти в ней новые перспективы, которые привнесут в нее удовлетворенность, откроют новое содержание. Экзистенциальная терапия не ищет простых решений. С экзистенциальной точки зрения верных быстрых решений просто не существует. Но благодаря настойчивости, смелости и готовности столкнуться с ничто, данная терапия может помочь максимально эффективно использовать весь потенциал человеческой жизни.

Рассмотрим с позиции данного измерения экзистенциально-гуманистическую и экзистенциально-интегративную терапии. Как известно, в США экзистенциально-гуманистический подход к терапии возник под руководством Р. Мэя. Первоначально Р. Мэй учился на священника

и находился под сильным влиянием своего наставника, экзистенциального богослова П. Тиллиха. В 1958 г. Р. Мэй выступил соредактором известного справочника по экзистенциальной психотерапии «Экзистенция», в котором для американских специалистов впервые были представлены труды европейских психиатров экзистенциально-феноменологического направления. Другими ключевыми фигурами в развитии экзистенциально-гуманистического подхода можно считать Д. Бьюдженталя, И. Ялома и К. Шнайдера; все они работали в тесном сотрудничестве с Р. Мэем.

В отличие от дазайн-анализа и экзистенциально-феноменологических подходов, экзистенциально-гуманистическая терапия базируется на нескольких основных теоретических предпосылках психоанализа. В частности, предполагается, что люди испытывают психологические трудности, когда пытаются защитить себя от бессознательного чувства тревоги. Однако для экзистенциально-гуманистической школы то, что лежит в основе тревоги, это не отношения с родителями или конфликты между различными инстинктивными влечениями, а предельные данности жизни: в частности, осознание смерти, свобода, одиночество и бессмысленность [28–29]. Это также можно понимать, как отношение личности к безопорности существования [30]. Соответственно, человек пытается вытеснить понимание этих экзистенциальных реалий в бессознательное, например, пытаясь убедить себя, что он неуязвим и может чудесным образом избежать смерти, однако эти защитные стратегии в конечном итоге приносят больше вреда, чем пользы. Следовательно, цель экзистенциально-гуманистической терапии состоит в том, чтобы попытаться помочь клиенту научиться жить без этой фиктивной защиты и преодолеть привычную тревогу существования через отношение открытости, решимости «находиться обнаженным в жизненном шторме» [31]. Терапевтические стратегии здесь варьируются от осторожных, исследовательских до крайне конфронтационных, ориентированных на динамичные терапевтические отношения в контексте ситуации «здесь и сейчас». В последние годы экзистенциально-гуманистическая терапия представляет собой интегративную терапию [32–33]. Эта экзистенциально-интеграционная тенденция все больше влияет на различные современные кросс-культурные исследования в области терапии [34]. Она также проясняет собственно духовные аспекты практики, в том числе те, которые влияют на благополучие не только физических лиц, но и целых сообществ.

Субъективность vs интерсубъективность. В соответствии со своим базовым философским основанием экзистенциальная терапия принимает в качестве своей главной цели понимание бытийного состояния человека во всех его бесчисленных аспектах. Кроме того, она полагает, что человеческий опыт, в целом, неотделим от бытийной основы существования, «бытия-в-мире», во что каждый человек постоянно и неизбежно вовлечен.

Например, М. Босс не соглашался с привычным техническим приемом психоаналитика прояснять прошлый опыт, задавая вопрос «почему». На самом деле на карту поставлено будущее человека, его способность реализовать весь спектр своих собственных экзистенциальных возможностей бытия в мире, и особенно тех, которые заблокированы в прошлом. Таким образом вместо того, чтобы спрашивать почему, М. Босс спрашивал: «А почему нет?» Почему бы не освободиться от прежних привычек, которые хотя и создают шаткое ощущение безопасности, но за это приходится платить постоянным страхом? Почему бы не вести себя более свободно? Что мы при этом потеряем, кроме привычного ощущения собственного страха? Центральным объектом теоретической критики психоанализа для М. Босса была несостоятельность идеи «внутренних психических сущностей», таких как Эго, Оно и Супер-Эго, и, в целом, понятия «изолированного внутреннего разума», то есть психики как таковой. Для Босса человек существует как единое неделимое целое, всегда разворачивающееся вовне и являющееся средоточием отношений с миром. Суть человека не в его голове, а в его присутствии (*existence*), в том, что мы буквально выделяемся из мира как миросущие (*worlded*) или миросуществующие (*worlding*).

Экзистенциальная психотерапия как подход, ориентированный на выстраивание отношений с миром, прежде всего предполагает использование групповых терапевтических методов. Работа И. Ялома с группами, которая первоначально начиналась как практика межличностного общения, нашла свое дальнейшее применение в его работе с неизлечимо больными пациентами. И. Ялом обнаружил, что экзистенциальные аспекты групповой работы очень актуальны; люди считают, что экзистенциальные дискуссии в группе значительно расширяют их способности находить решение для своих собственных проблем.

Заключение. Таким образом, рассмотренные выше философские измерения современных экзистенциальных практик позволяют рассматривать их с позиции интегративного и созерцательного контекста. Подобно тому, как интегративный контекст предполагает широту решения экзистенциальных проблем, созерцательный контекст предполагает глубину экзистенциальной терапии, допускающую различную степень погружения субъекта, его чувственный настрой и аутентичность присутствия. Интегративный контекст выявляет широкий спектр терапевтических подходов и интервенций для решения конкретных проблем, адаптированных к условиям и способностям конкретных людей.

Общим знаменателем для всего диапазона этих подходов является признание того, что любая экзистенциальная терапия основана на сосредоточенности на себе, требующей как особой подготовки, так и самой способности к интроспекции. Вместо того, чтобы приспособливаться, исправлять или подстраивать себя в соответствии с требованиями других,

экзистенциальные методы терапии помогают человеку обрести себя во внутреннем, «экзистенциальном чувстве», даже если к этому чувству идут разные пути. Поворот внутрь себя, освобождение от рефлексивных, компульсивных и объективизирующих суждений о себе и других, требует настройки на поток субъективного осознания, что видно с позиции созерцательного контекста. Поиск подлинности – философская жемчужина экзистенциальной терапии – является более или менее глубоким и тщательным в зависимости от способности человека открывать себя.

Библиографический список

1. Cooper M. Existential Therapies, 2 e. London, 2017.
2. Boss M. Psychoanalysis and Daseinanalysis. New York : Basic Books, 1963.
3. Boss M. Existential Foundations of Medicine and Psychology. Northvale, NJ : Jason Aronson Inc, 1979.
4. Laing R. D. The Divided Self : An Existential Study in Sanity and Madness. Harmondsworth : Penguin, 1965.
5. Лэнг Р. Д. Расколотое Я. СПб. : Белый кролик, 1995.
6. Deurzen E. van. Everyday Masteries, 2 e. London : Routledge, 2010.
7. Deurzen E. van. Existential Counselling and Psychotherapy in Practice, 3 e. London, 2012.
8. Deurzen E. van. Paradox and Passion in Psychotherapy : An Existential Approach. 2 e. Chichester : John Wiley and Sons, 2015.
9. Дорзен Э. ван. Практическое экзистенциальное консультирование и психотерапия. Ростов н/Д. : Ассоциация экзистенциального консультирования, 2007.
10. Дорзен Э. ван. Парадокс и страсть в психотерапии. М. : ИОИ, 2017.
11. Дорзен Э. ван. Повседневные тайны: экзистенциальные измерения психотерапии. М. : ИОИ, 2019.
12. Du Plock S. Case Studies in Existential Psychotherapy and Counseling. Chichester : John Wiley, 1997.
13. Spinelli E. The Interpreted World: An Introduction to Phenomenological Psychology, 2 e. London, 2005.
14. Spinelli E. Tales of Un-Knowing: Therapeutic Encounters from an Existential Perspective. Ross-on-Wye. UK : PCCS, 2006.
15. Spinelli E. Practicing Existential Psychotherapy: The Relational World, 2 e. London, 2015.
16. Спинелли Э. Истории о неопознанном. Терапевтические встречи в экзистенциальной перспективе. М. : Корвет, 2018.
17. Frankl V. E. Man's Search for Meaning. New York : Washington Square Press, 1984.

18. Франкл В. Человек в поисках смысла : сборник. М. : Прогресс, 1990.
19. Frankl V. E. Psychotherapy and Existentialism. Selected Papers on Logotherapy. New York : Simon & Schuster, 1985.
20. Frankl V. E. The Doctor and the Soul ; From Psychotherapy to Logotherapy, 3 e. New York : VintageBooks, 1986.
21. Франкл В. Доктор и душа : Логотерапия и экзистенциальный анализ. М. : Альпина нон-фикшн, 2017.
22. Langle A. The power of logotherapy and the need to develop existential analytic psychotherapy // International Journal of Psychotherapy. 2015. 19 (1): 73–80.
23. Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. Прикладная логотерапия. М. : Генезис, 2004.
24. Fillion L., Duval S., Dumont S. et al. Impact of meaning-centered intervention on job satisfaction and on quality of life among palliative care nurses. Psycho-Oncology. 2009. 18 (12): 1300–1310.
25. MacKinnon C. J., Smith N. G., Henry M. et al. Meaning-based group counseling for bereavement: Bringing theory with emerging trends in intervention research. Death Studies. 2014. 38 (3): 137–144.
26. Breitbart W., Rosenfeld B., Gibson C. et al. Meaning-centering group psychotherapy for patients with advanced cancer: A pilot randomized controlled trial. Psycho-Oncology. 2016. 19 (1): 21–28.
27. Vos J., Craig M., Cooper M. Existential therapies: A meta-analysis of their effects on psychological outcomes. Journal of Consulting and Clinical Psychology. 2014. 83 (1): 115–128.
28. Yalom I. D. Existential Psychotherapy. New York : Basic Books, 1980.
29. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М. : Независимая фирма «Класс», 2014.
30. Schneider K., Krug O. Existential-Humanistic Therapy. Washington, DC : American Psychological Association, 2017.
31. Becker E. The Denial of Death. New York, 1973. Free Press Paperbacks.
32. Schneider K. J. Existential-Integrative Psychotherapy : Guidepost to the Core of Practice. New York : Routledge, 2008.
33. Shahar G., Schiller M. A conqueror by stealth: Introduction to the special issue on humanism, existentialism, and psychotherapy integration. Journal of Psychotherapy Integration. 2016. 26 (1): 1–4.
34. Wolfe B. E. Existential-humanistic therapy and psychotherapy integration: A commentary. Journal of Psychotherapy Integration. 2016. 26 (1): 56–60.